

Русские тетради

Историко-политические анализы и комментарии

№ 40. Буэнос-Айрес, февраль 2019. XIII год издания.

Симфония при отделении государства от Церкви

*Благосозвучие между хорошим священством, правильным
государством и порядочными и компетентными правителями*

Созвучие Православия с правильными государствами

Император Юстиниан (527-565) подытожил процесс перерождения Римской Империи из языческой в христианскую, найдя подходящий термин, с помощью которого он выразил основное начало нового положения. Более того, он придал четкое юридическое определение этому началу, ставшему основным конституционным принципом Римской Империи, а затем и Русского Государства, начиная со святого Владимира.

Известный византинолог А. А. Васильев считает, что *«два труда Юстиниана оставили глубокий след в истории человеческой цивилизации и полностью оправдывают данное ему имя Великого. Это его гражданский кодекс и Собор Святой Софии. Интересно, что каждый из этих двух великих трудов был окончен в пятилетний срок»*.

К тому времени, «Двенадцати таблицам», первому своду римских законов, было уже около тысячи лет. Количество старых римских и новых имперских законов приняло такие громадные размеры, что император Юстиниан решил уложить их в новое собрание.

В 528 году началась работа комиссии десяти юристов (наподобие децемвиров, назначенных в 451 г. до Р. Х. для составления «Двенадцати таблиц»). Уже в 529 году был готов Codex Justinianus, со всеми имперскими законами, начиная от императора Адриана. В 533 году были опубликованы Pandectae, являющиеся сводкой двух тысяч старых римских юридических книг, и Institutiones, руководство по гражданскому праву для студентов. Эти труды были написаны по-латыни, уже непонятной большинству населения восточной части Римской Империи, почему и были сделаны их сокращенные переводы на греческий язык. Так было сохранено *«римское право, которое нам дало юридические основные начала, управляющие большинством наших современных обществ»*. (А. А. Васильев) В дополнение, император Юстиниан составил ряд новых законов, зачастую уже по-гречески, получивших название «Новелл» (Novellae leges). (В 12-м веке Кодекс, Пандекты, Институты и Новеллы были собраны в один Corpus juris civilis.) *«Законодательная деятельность Юстиниана опередила законодательство церковное. Из разрозненных сборных постановлений еще не составилось одного церковного кодекса. Юстиниан... синтезировал церковные узаконения и обычаи. Например, 123-я новелла является сводкой всех узаконений об епископах и клириках, 133-я – о монашестве и т. д. Эти сводки... положили начало церковному Номоканону или Кормчей»*. (А. В. Карташев. Вселенские соборы. Париж, 1963, стр. 538)

В Шестой новелле, адресованной *«Епифанию, святейшему архиепископу царского града и вселенскому патриарху»*, император Юстиниан впервые четко определил идеал нового

соотношения между «священством и царством», как симфонию между ними. Ее текст, по-гречески, по-латыни и на средневековой латыни, занимает 12 страниц современного издания. (Corpus juris civilis. Volumen tertium. Novellae. Berolini MCMLXII. Apud Weidmannos.)

Доктрина о симфонии определена в предисловии этой новеллы. В русской науке имеется перевод основной части этого определения в следующей формулировке:

*«Величайшие дары Божию, данные людям высшим человеколюбием, это — священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое со своей стороны постоянно молится за них Богу. Когда священство **беспорочно**, а царство пользуется лишь **законной властью**, между ними будет **доброе согласие** (симфония)».* (А. В. Карташев. Там же, стр. 537. В «Кормчей» дается немного иной перевод.) Из этого перевода Шестой Новеллы ясно видно, что **симфония отнюдь не является любым сосуществованием церковной иерархии и государственной власти**, ибо она обуславливается конкретными условиями. Однако последняя фраза этого перевода является сокращением, опускающим **требование к священству также и «быть верным Богу»**, и сводящим требования к царству к одному только условию: **«пользоваться лишь законной властью»**. Но суть этого определения заключается в требовании **правильного государственного строя, с порядочной властью**, как необходимых предпосылок для доброй симфонии. Буквальный перевод этой фразы гласит:

«Потому, если первое поистине беспорочно и верно Богу, а второе украшено правильным и порядочным государственным строем, между ними будет добрая симфония, которая для пользы человеческого рода предлагается». Вот полный текст начала VI Новеллы по-латыни:

«Preamatio. Maxima inter homines Dei dona a supera benignitate data sunt sacerdotium et imperium, quorum illud quidem rebus divinis inservit, hoc vero humanas res regit earumque curam gerit: quorum utrumque ab uno eodemque principio proficiscitur et humanam vitam exornat. Quare nihil imperatoribus aequae curae fuerit atque sacerdotum honestas; si quidem hi etiam pro illis ipsis semper Deo supplicant. Nam si alterum omni ex parte integrum est et fiducia Dei praeditum, alterum **recte et decenter rempublicam** sibi traditam exornat, **bonus** quidam **concentus** existet, qui quicquid utile est humano generi praebat...». Слова, набранные жирным шрифтом, в греческом тексте гласят: *«орфос те ке просиконтос... политиян»* и *«симфония... агафе»*. В другом варианте, слово *decenter* (порядочным) заменено словом *competenter* (компетентным), а слово «симфония», вместо *concentus* переведено как *consonantia* (созвучие).

Выражение «орфос политиян» принадлежит Аристотелю. Употребление такой специфической терминологии в этой новелле указывает, что ее смысл необходимо толковать именно в смысле определений Аристотеля и всей классической философии политики. Аристотель многократно обозначает этим термином в своем труде «Политика» три правильных политических строя, в отличие от трех неправильных, или извращенных режимов. (Политика, 1288 а, 34) Следовательно, слова **«recte rempublicam»** («правильной республикой») в латинском тексте Шестой новеллы (являющиеся переводом греческих слов **«орфос политиян»**) означают **«правильным государственным строем»**, а не «римской республикой», тем паче, что в этом же абзаце говорится о «царстве» и о «империи».

Таким образом, в данном случае определение **«правильный государственный строй»** уточняет **одно из необходимых условий** для достижения симфонии. Император Юстиниан добавляет к этому условию **еще требование Платона (Письмо VII), чтобы такой строй был также порядочным** (*decenter*), а по другой латинской версии компетентным (*competenter*). Значит, **добрая симфония** (сиречь «благосозвучие») отнюдь не является только лишь согласием между священством и государством, а тем паче **любим согласием**. Достижение согласия зависит от субъективной воли соглашающихся сторон. Но для доброй симфонии одной субъективной воли к согласию недостаточно, ибо, кроме этого, еще необходимо осуществление ряда **объективных предпосылок**.

«Симфония» — это буквально **созвучие**. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово «согласный» калькирует латинское *consonans*, или греческое «*та*

симфона». Однако под словом «симфония» словарь дает буквальный перевод этого греческого слова как **«созвучие»**. «Согласие» нужно было бы перевести на латынь как *concordia*. Однако слово «симфония» в Шестой Новелле в латинских текстах переводится как *consensus* и как *consonantia*, хотя выражение *concordia* было в широком употреблении в римской политической и юридической практике. (Цицерон определяет дух римского государства **свободой и согласием**, *libertas et concordia*, в римском понимании этих понятий). *Concordia* этимологически происходит от **«сосердечия»**, то есть от **субъективного сердечного предрасположения**. «Созвучие» же зависит от **объективной и точно измеряемой частоты составных звуков**. Благозвучные аккорды получаются только тогда, когда составляющие их звуки: 1. Не одной частоты, ибо в таком случае получится не аккорд, а унисон; 2. Имеют такие разные частоты, которые гармонируют между собой, ибо в противном случае получится не добрая симфония, а какофония, то есть плохое созвучие.

Таким образом, необходимые объективные предпосылки для достижения хорошего созвучия между Церковью и государством, согласно учению (доктрине) императора Юстиниана, можно изложить следующим образом:

1. Добрая симфония Церкви возможна только лишь с каким-нибудь из трех правильных («recte», «орфос») государственных режимов, то есть, согласно определению Аристотеля, **с монархией, аристократией, или политией** (республикой), или, в крайнем случае, с каким-нибудь смешанным режимом, в котором преобладают принципы этих правильных режимов. Определение симфонии исключает возможность таковой с каким бы то ни было политическим строем, являющимся извращением правильных режимов. **Значит, симфония Церкви невозможна ни с тиранией, ни с олигархией, ни с демократией** (понимаемой в классическом смысле, то есть как извращение политики, сиречь республики).

2. Кроме того, в рамках такого правильного режима, необходима еще и **порядочность** («просиконто», «decenter»), или, по другой латинской версии, **компетентность** («competenter») государственной власти.

3. Добрая симфония, требуя эти два условия от государства, не требует ничего от Церкви как таковой. Церковь, как Тело Христово, не подлежит никаким требованиям, ибо, в данном случае, святой император Юстиниан, адресуя Шестую Новеллу константинопольскому вселенскому патриарху, имеет в виду Православную Церковь. Однако эта новелла выдвигает недвусмысленные **требования к священству** (духовенству, согласно А. В. Карташеву, «иереон», «sacerdotum»): **для того чтобы симфония была возможна, священство должно быть благочестивым** («honestas»), **беспорочным** («integrum») и **полностью верным Богу**. Значит, хотя само по себе священство и не является всей Церковью, все же от его качеств зависит возможность доброй симфонии церкви с государством.

4. В основании этих трех объективных условий для достижения доброй симфонии лежит принцип равнозвучия царства и священства, каждого в своей сфере, ибо «оба происходят от одного источника», оба являются «величайшими дарами Божьими» и оба имеют одну и ту же цель – «украшать человеческую жизнь», для «пользы рода человеческого». Именно **признание и принятие такого божественного происхождения правильной государственной власти** (царства, «василеи», «империума») и **является основной принципиальной предпосылкой для симфонии**. Очевидно, что отрицание самой государственной властью такого своего происхождения, или тем паче её **принципиальный агностицизм**, автоматически исключают возможность доброй симфонии. Симфонию также исключает принципиальное непризнание, что оба, и царство и священство (при исполнении обоими всех указанных условий), являются «величайшими дарами Божьими», которые должны «украшать человеческую жизнь».

Из обзора этих необходимых предпосылок доброй симфонии явствует, что она на практике трудно достижима полностью. Кроме того, такая сложная структура необходимых предпосылок для симфонии оказалась одной из причин для ее непонимания, а вследствие этого и ее весьма распространенных совершенно неправильных трактовок. Однако, являясь идеалом **идеальных соотношений** между церковью и государством, такая симфония

характерна тем, что, даже если она и не всегда достижима в совершенстве, её принципиальное признание является одним из важных стимулов и ориентиров для стремления к легитимности государства и к беспорочности священства. А, следовательно, через то и другое, к "украшению человеческой жизни, для пользы рода человеческого".

Симфония в истории

Двумя главными видами непризнания симфонии в истории были доктрины цезаропапизма и папоцезаризма. Обе эти доктрины нарушают **принцип равнозвучия** церкви и государства. Первая доктрина отдает превосходство государству, вторая — церкви.

Весьма часто высказывались мнения, что в самой Восточной Римской Империи доктрина симфонии частично терпела фиаско, так как в ней часто практиковался цезаропапизм. Однако это отнюдь не так. Зачастую такое мнение вызвано недостаточным знакомством с доктриной симфонии и с историей этой империи. В Восточной Римской Империи доктрина симфонии всегда была **идеалом соотношений между церковью и государством**. Правда, идеалом трудно достижимым, а посему зачастую нарушаемым. Однако эти нарушения почти всегда были практического, а **не принципиального** характера. Стремления к цезаропапизму отдельных императоров никогда не смогли вылиться в преобладающую доктрину.

Лишь в VIII веке императоры еретики (иконоборцы) «в борьбе против установленных в церковной жизни обычаев, стремились присвоить себе верховные права в церковном управлении и поставить себя выше власти патриархов». (Н. Н. Алексеев. Идея государства. Издательство имени Чехова. Стр. 220)

Однако после преодоления иконоборческой ереси, уже в следующем веке, в обряде коронования (в Эпинагоге, автором которой, по-видимому, был знаменитый ученый патриарх Фотий), теория симфонии была снова «классически сформулирована», утверждает Н. Н. Алексеев: «Государство в ней уподобляется организму, составленному из многих частей и членов. Царь и патриарх являются двумя главами этого тела, которые в симфоническом взаимном согласии и при полном разделении своих функций управляют государственным организмом». (Там же, стр. 220 и 221) (Вместо «государственным организмом» лучше было бы поставить «народным организмом».)

Император Иоанн Комнен (1124 -1130) пишет папе Гонорию Второму: «Во всем моем управлении я признавал **две вещи, как существенно отличные друг от друга**: первая есть духовная власть, которую верховный первосвященник мира, царь мира Христос, даровал своим ученикам и апостолам, как ненарушимое благо... Вторая же есть светская власть, заведующая делами временными и обладающая по божественному установлению одинаковым правом в своей сфере. **Обе эти власти... отдельные и отличны друг от друга**». (О. Курганов. Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской Империи. Казань. 1880. По Л. Тихомирову, Монархическая государственность. Буэнос Айрес. 1968. Стр. 152)

На протяжении всей истории Восточной Римской Империи можно наблюдать не только принципиальное признание симфонии, как доктрины долженствующей направлять в правильном направлении соотношения между церковью и государством, но также и практическое сотрудничество между царем и патриархом. «**Великие дела**» (как говорило посольство митрополита Филарета в Польшу в 1612 году) **решались совместно** царем и патриархом. Ярким примером может послужить совместное решение о миссии святых Кирилла и Мефодия, для просвещения славян. Это было самым великим совместным историческим делом Константинопольской Церкви и Восточной Римской Империи. +

(Выдержки из «Русских тетрадей» № 4, от декабря 2008 г.)

И. Н. Андрушкевич

Русские тетради. Историко-политические анализы и комментарии.

№ 40. Буэнос-Айрес, февраль 2019 года. XIII год издания. Издается на правах рукописи.

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. Электронный адрес: kadetpismo@hotmail.com